

Т. И. Ерохина, А. А. Абовян

**Трансформация антиутопии в контексте массовой культуры:
О. Хаксли «Дивный новый мир», А. и Б. Стругацкие «Хищные вещи века»**

Выполнено в рамках работы по гранту РНФ № 14–18–01833–II
«Текст и контекст массовой культуры: российский дискурс»

В статье рассматриваются особенности возникновения и развития жанра антиутопии, обозначена генетическая связь антиутопии с экзистенциализмом и развитием массовой культуры. Авторы обращаются к сопоставительному анализу романа О. Хаксли «О дивный новый мир» и повести А. и Б. Стругацких «Хищные вещи века», акцентируя внимание на сходстве и различиях антиутопии в контексте массовой культуры Америки и России. Анализ литературных текстов, а также философских работ и высказываний писателей позволяет авторам обнаружить специфику трансформации антиутопии от романа-предупреждения, где О. Хаксли описывает новое общество, ценностями которого становятся Вещи, Машинизация и Обезличивания, к повести Стругацких, которая изначально выстроена по принципу текста массовой культуры – детектива. Созданный насильно, путем ограничений и запретов, «дивный мир» О. Хаксли превращается у Стругацких в мир свободы, в котором человек волен сам решать свою судьбу. Повесть демонстрирует не только трансформацию антиутопии, но и трансформацию человеческого сознания, для которого выбор свободы оборачивается сознательным выбором несвободы. Массовая культура, удовлетворяющая общество потребителей и создающая общество инфантильных людей, становится культурой иллюзий, сна, подменяющей реальность.

Ключевые слова: антиутопия, массовая культура, общество потребления, О. Хаксли, А. и Б. Стругацкие, вещь, общество, свобода, экзистенциализм, трансформация.

Т. I. Erokhina, A. A. Abovyan

**Transformation of Anti-Utopia in Popular Culture Context:
O. Huxley's «The Marvelous New World», A. and B. Strugatsky's «Predatory Things of the Century»**

In the article features of emergence and development of the anti-Utopia genre are considered, the genetic connection of anti-Utopia with existentialism and popular culture development is designated. Authors appeal to the comparative analysis of O. Huxley's novel «Brave New World» and A. and B. Strugatsky's short novel «Predatory Things of the Century», focusing attention on similarity and distinctions of anti-Utopia in the context of popular culture in America and Russia. The analysis of literary texts and also writers' philosophical works and ideas allows authors to find specificity of anti-Utopia transformation from the novel-warning, where O. Huxley describes new society, its values are Things, Mechanization and Depersonalization, to the short novel by the Strugatskys, which is initially built due to the principle of the popular culture text – a detective. Created by force, restrictions and bans, O. Huxley's «brave world» turns into the world of freedom in the Strugatskys' work, where the person is free to determine his destiny by himself. The short novel shows not only transformation of the antiutopiya, but also transformation of human consciousness, for whom the choice of freedom turns into the conscious choice of unfreedom. The popular culture, satisfying consumer society and creating society of infantile people, becomes the culture of illusions, dream substituting reality.

Keywords: anti-Utopia, popular culture, consumer society, O. Huxley, And. and B. Strugatsky, thing, society, freedom, existentialism, transformation.

«Бум антиутопий», возникший в начале XX в. и достигший пика к его середине, – уникальное явление в мировой культуре. Именно в этот временной отрезок «антиутопия ... взрывает изнутри сюжетно-тематический каркас утопии, отпочковывается от него и становится самостоятельным жанром» [5, с. 27]. Антиутопия становится не просто «пародийным жанром», она обрастает собственной системой знаков, в какой-то степени заимствованной с «территории» утопии, но переосмысленной в контексте негативистского восприятия социальной структуры будущего.

Утопия, по мнению антиутопистов, неестественна, потому как идеал отрицает какое-либо дальнейшее развитие, что приводит к застою. К. Поппер отмечал: «Если начальный пункт всех изменений совершен и благ, то изменения могут происходить лишь в направлении, уводящем от совершенства и блага и приводящем к несовершенству и злу, то есть к разложению» [3, с. 37]. Человеку же свойственно развиваться и расти, и если он не находится в постоянном развитии, то начинается деградация, результат которой неизбежно приводит к трагедии.

Возникновение «эпохи антиутопий», в первую очередь, связано с культурными кризисами человеческого сознания, возникающими на рубеже XIX–XX вв.: кризис религии и возведение в ее ранг сциентизма, страх перед новой свободой, ужас мировых войн, – все это негативным образом сказывается на репутации рационализма. А кризис рационализма, в свою очередь, это еще и кризис всего того, что он породил, в том числе и утопии как литературного жанра: «Жестокая реальность прерывала порывы и мечты, уничтожала веру в светлое будущее, переплетая утопические мечтания с антиутопической действительностью. Бурный научно-технический прогресс, стремительное развитие и агрессивное воплощение в жизнь революционных идей, первые ошеломляюще-непредвиденные результаты построения нового общества реализованной утопии и сопряженные с этим процессом реалии изменяют взгляды на роль личности в историческом процессе, приводят к эволюции утопического мышления в противоположное ему антиутопическое. «Почему выцвела утопическая картина? – спрашивает Ч. Уолш, автор исследования с красноречивым названием “От утопии к кошмару”: Мне на ум приходят две причины. Первая – эта неудача утопии, вторая – её триумф» [11, с. 24].

Принципы утопии реализовываются: XX век знаменуется становлением тоталитаристских систем, а американская культура демонстрирует, что можно построить общество людей, которые сами были бы рады отдать свою свободу и индивидуальность, – общество потребления, с феноменами «массовой культуры» и «американской мечты»: «Современные потребители могут определять себя с помощью следующей формулы: я есть то, чем я обладаю и что я потребляю», – замечает Э. Фромм. Однако если эта формула работает, то «за бортом» человеческой жизни остаются подлинно человекообразующие феномены – мысль, любовь, совесть и т. п., которые, как уже отмечалось ранее, нельзя сделать объектом обладания и потребления» [2, с. 45–46].

Нам кажется, что главное, к чему приходят антиутописты вслед за экзистенциалистами, это понимание того, что «избежать зла и страдания можно лишь ценой отрицания свободы. Тогда мир был бы принудительно добрым и счастливым. Но он лишился бы своего богоподобия» [1, с. 67], если понимать «богоподобие» как общую характеристику трансцендентного, иррационального составляющего человека, непознаваемая сущность которого не сводится к набору потреб-

ностей, а личность – к результату подавления либидо.

В итоге мы обнаруживаем, что от рациональных систем сциентизма и утопии человечество обращается к экзистенциализму и антиутопии, манифестируя тем самым главные ценности под флагом иррационализма.

Предметом анализа, подтверждающего обозначенную выше гипотезу, в рамках данного исследования стали роман О. Хаксли («О дивный новый мир») как представителя английско-американского мышления и повесть братьев Стругацких («Хищные вещи века»), созданная на территории Советского Союза. Выбор материала обусловлен территориальными и социокультурными различиями, заданными изначально. Тем более значимыми, на наш взгляд, становятся обнаруживаемые сходства, позволяющие нам говорить о феномене антиутопии в контексте массовой культуры Америки и России.

Так сложилось, что заглавиями анализируемых романов-антиутопий стали стихотворные строчки: братья Стругацкие воспользовались строками стихотворения Андрея Вознесенского, О. Хаксли – словами из трагикомедии Шекспира «Буря». «О дивный новый мир! – восклицает Дикарь, один из главных героев романа. – О дивный новый мир, в котором есть такие люди» (здесь и далее перевод с английского автора. – А. А.) [13, с. 121]. В течение развития действия Дикарь вспомнит эти слова еще раз, ощущая уже их ироничное значение: «Как много вижу я божественных созданий!» Певучие слова насмеялись над ним. «Как прекрасен род человеческий! О дивный новый мир!...» [13, с. 184].

И это уже авторская ирония. О. Хаксли был знаком с творчеством З. Фрейда и позицией би-хэйвиористов. Его роман стал сатирой на тему рационализации человечества и человека, на сведение многообразия человеческих компонентов к социальной функциональности, комплексам и желаниям: «Дивный Новый Мир» Хаксли является, конечно, пародией на взгляды Фрейда» [4, с. 191], потому что, если «красота, чистоплотность и порядок явно занимают особое положение среди требований культуры» [9, с. 312], то возведение этих ценностей в ранг «священной коровы», оспаривать статус которой мы не имеем права (вспомним, как «его Фордейшество» сравнивает современную ему науку с поваренной книгой, куда нельзя добавлять новые рецепты), приводят к созданию кошмара, как не раз назы-

вал «Дивный новый мир» сам О. Хаксли в своей работе «Возвращение к дивному новому миру».

Вместе с тем обозначение словом «кошмар» социального устройства мира, предложенного О. Хаксли, не безусловно. Многие читатели утверждают, что дивный новый мир – действительно дивный. Если мы воспринимаем беззаботное счастье как конечную цель человеческого существования, то дивный мир не дает нам повода усомниться в реализованности человеческого предназначения. Люди счастливы, человечество константно и целостно. «Общность, идентичность, стабильность» обозначены с первой страницы романа, характеризуя будущее общество. Вместе с тем, по мнению О. Хаксли, люди из бутылки – «не люди», не случайно английский писатель так часто сравнивает их либо с животными: «Как пьющие куры, студенты задрали свои головы к высокому потолку...» [13, с. 8], «он выжидательно улыбнулся, с собачьим обожанием вглядываясь в лица» [13, с. 50], «испуганно уставились с тупым любопытством зверят, столкнувшихся с незнакомым» [13, с. 177], «неожиданно между Джоном и стеной возникли близнецы с лицами мопсов» [13, с. 178], либо с младенцами – «их провожали пустые младенческие глаза» [13, с. 175]. Начальник отчитывает Бернарда за недостаточную инфантильность, да и сам Бернард в разговоре с Линайной заявляет, что они, люди нового мира, «взрослые в рабочие часы... и младенцы в области чувств и желаний» [13, с. 81]. И все потому, что среди обывателей нового мира – мира массовой культуры – нет людей, есть существа, остающиеся на младенчески-животном уровне рефлексов и физиологических потребностей. Так, Мустафа Монд «проговаривается» в беседе с Дикарем, что их посылают на остров, где, в отличие от Дивного мира, «собрались те, кто, буквально, хоть что-то собой представляет» [13, с. 200], тем самым низводя своих подопечных, за «тупое», «младенческое», «дешевое» счастье которых Градоправитель борется, до уровня «ничто». В этом контексте концепция О. Хаксли перекликается с позицией Э. Фромма: «Человек – единственное животное, для которого собственное существование является проблемой: ее он должен решить и от нее нельзя никуда уйти. Он не может вернуться к дочеловеческому состоянию гармонии с природой и должен развивать свой разум, пока не станет господином природы и самого себя» [10].

Для людей дивного мира существование не является проблемой, потому что они не суще-

ствуют подлинно. Вхождение в подлинное бытие может возникнуть через формирование настоящей личности в скуке, отчужденности, осознание своей смертности и одиночества. Человек же, находящийся в толпе, человек «массы» не может скучать, поскольку он постоянно «окружен» действительностью и сам действует: работает или развлекается, находясь постоянно в толпе. Для него, как показывает О. Хаксли, скука невозможна, одиночества не существует, отчужденность в этом «великом организме» искоренена. Даже смерть, которая становится онтологически значимой в экзистенциализме, исчезает в «эпохе Форда». Дети проходят так называемое «смертовоспитание» – их возят в «умиральни», где с ними играют, дают шоколадные пирожные, прививая обыденное отношение к смерти как к чему-то обыкновенному, приятному и даже благодатному, свидетельством чему становятся фосфорные улавливатели на трубах крематориев: «Даже после смерти – польза!» – восклицает один из персонажей романа [13, с. 63]. Человеку остается философское самоубийство через идеологию потребления. Человек превращается в функцию, поскольку люди значимы лишь в контексте выполняемых функций – профессиональных и развлекательных.

Лишенный свободы и личности человек становится техничен, и в результате мы получаем набор машин, запрограммированных на производство и потребление. Машины управляют машинами, и совсем не очевидно, где в этом утверждении находится человек. Человек делается орудием производства продуктов. Вещь ставится выше человека. Массовая культура становится культурой зверей, детей, машин и вещей.

В сознании людей дивного нового мира – возвеличивание Вещи, Машинизация, Обезличивание. И именно эти три слова могли бы быть написаны на первой странице книги, заменив собой «Общность, Идентичность, Стабильность». Наука, которую в дивном мире почитают за высшее благо («Наука превыше всего!») – скандируют гипнопедические динамики «трижды в неделю, с тринадцати до семнадцати лет» [13, с. 198]), лишаясь своего метафизического начала – поиска истины, – становится «поваренной книгой», содержащей рецепты превращения человека из богоподобного создания в робота.

Мы видим поразительную противоречивость «дивномирных» обывателей: с одной стороны, они возвращаются к природе, превознося свои гедонистические наклонности и стадность-

массовость, а с другой – ненавидят ее внешние проявления. Они утверждают, что поработили природу наукой, в действительности же наука с природой поработили их. Даже Мустафа Монд, его Фордейшество, по определению самый свободный из всех, манифестирует свое рабство: «счастье других».

Возникает еще один признак машинизированного массового сознания – бытие в настоящем. И это не то бытие, которое рождается из подлинности в перманентном «бытие к смерти», когда «каждомоментное» ощущение своей конечности требует полной свободы. Это гедонистическое, почти детское, стремление к наслаждениям: «вот сейчас, прямо сейчас». Это отчетливо видно на примере действия сомы – «прошлое с будущим исчезло; розово расцвел цвет настоящего» [13, с. 90]. Для этих людей нет прошлого, потому что нет предков, во-первых, а во-вторых, потому что это внушается через гипнопедию – «предсудительно вести речь об отдаленном прошлом» [13, с. 83], но нет и будущего, потому что нет развития.

Безусловно, и в дивном мире есть исключения, которые выпадают из «массового общества», общества потребления. О. Хаксли выделяет центральными персонажей, «выпадающих» из общей стабильности и одинаковости: это Бернард, Гельмгольц и Джон. Назвать их экзистенциальными героями в полном смысле этого слова нельзя, но «выпадение» из этого общества делает их несоразмерно ближе к просвету бытия, чем остальных обитателей этого мира.

Так, Бернард, персонаж, далекий от идеала, приходит к экзистенциальному одиночеству против воли: неуспех среди представительниц противоположного пола вынудил его провести множество ночей в уединении, тоске и скуке, что, в свою очередь, подводит его к позиции непринятия современного строя – внутреннему «дефекту», следующему за внешним – низким ростом. К тому же Бернард является специалистом по гипнопедии, а значит он понимает, какие истины были навязаны, а какие были достигнуты путем эмпирического опыта. Он осознанно переворачивает приневоленные аксиомы и отказывается от сомы, жаждет испытаний и любит природу. И хотя в дальнейшем он отречется от своих убеждений, мы видим, что интуитивно, вследствие одиночества, Бернард ищет подлинности, с искренним презрением отзываясь о потребительском отношении людей не только к вещам, но и к себе подобным: «Точно речь о бараньей котле-

те, – скрипнул зубами Бернард. – Не отведал, отведаю. Как будто она кусок мяса. Низводят ее до уровня бифштекса...» [13, с. 39].

Второй персонаж, на которого необходимо обратить внимание, – друг Бернарда Бермгольц, обретающий индивидуальность через избыток внутренних сил: «Бернарда отгородила от коллег невзрачность, щуплость, и возникшее чувство обособленности (чувство умственно-избыточное по всем нынешним меркам), в свою очередь, стало причиной еще большего разобщения. А Гельмгольца – того талант заставил тревожно ощутить свою озабоченность и одинокость» [13, с. 57–58]. Озабоченность (Sorge по Хайдеггеру) и одинокость – два экзистенциальных вестника подлинности, захватывающие Бермгольца. Его отличие от Бернарда велико: то, что романтический взгляд Бернарда оценивает как возможность доказать себе свою силу, для Бермгольца является естественной внутренней потребностью. В каком-то смысле Бернард ищет путь «наверх», способ доказать себе и окружающим, что он лучше, он амбициозен, но охвачен теми же амбициями, что и окружающие люди.

Одиночество становится путеводной звездой и для Джона. Не принятый у «своих» из-за оттенка кожи и репутации матери, он остается лишним и в дивном новом мире: воспитанный Шекспиром и теллурическими культами, он не способен принять эту новую реальность «дешевого счастья». В отличие от обитателей нового мира, прошедших смертовоспитание, Дикарь знает, что такое смерть. Он был близок к ней, и мысли о самоубийстве посещали его: «Он сел на краю пропасти. Луна светила ему в лицо; он заглянул в черную пасть обрыва, в черную пасть смерти. Все, что от него требовалось, – сделать шаг, небольшой прыжок... Он подставил свою правую руку под лунный свет. Из раны на запястье все еще сочилась кровь. Каждые несколько секунд капля, почти черная в этом мертвенном свете, падала вниз. Кап, кап, кап... Завтра, и завтра, и завтра... Он познал, что значит Время, Смерть, Бог» [13, с. 118].

И снова перед нами еще один вариант возможного развития событий: сделай О. Хаксли эти три слова девизом Дивного Нового Мира (Время, Смерть, Бог), роман из антиутопии трансформировался бы в жанр религиозно-экзистенциальной утопии. Но О. Хаксли хотел создать неприглядную действительность, а потому Дикарь – единственный, раскрывший тайну

смерти, поэтому он приближен к подлинному существованию максимально.

Экзистенциальные мотивы в романе О. Хаксли смешиваются с общими мотивами и темами своей эпохи. Такие проблемы, как массовость, потребительство (проблемы, зачастую игнорируемые экзистенциалистами в силу ряда причин), входят в круг онтологически значимых вопросов О. Хаксли. Автор жанра антиутопии пишет про социум и о социуме. И представление о социуме в романе О. Хаксли доведено до абсурда – кажется, что в Дивном новом мире единственное существо, обладающее индивидуальностью, – это само общество, «единый Организм», шаги которого слушают на «сходках единения». Образ человеческого организма воспроизведен буквально: люди-клетки ценятся настолько, насколько они повышают выживаемость и благополучие общества-организма. И в такой ситуации возникает вопрос: нужно ли такое существование самим «клеткам»? Не ведет ли эта сложная структура, как это ни парадоксально, к упрощению человека и лишению его всего самого человеческого? Мы видим, что эра Форда – это эра дегуманизации человека, перевод его из сферы духовной в сферу материальную, безостаточное замещение внутреннего внешним. Материальное благополучие из средства организации пространства для духовного развития становится целью, а духовные запросы тонут в примитивном гедонизме.

Именно в этом понимании массовой культуры как культуры «организма», ориентированного лишь на потребление и самосохранение, на наш взгляд, повесть братьев Стругацких сближается с романом О. Хаксли.

Между анализируемыми произведениями пролегли не только километры, но и наполненные напряженными событиями годы. За тридцать три года в период с 1931 по 1964 г. успела начаться и закончиться Вторая мировая война, было изобретено и опробовано в военных целях ядерное оружие, запущен первый искусственный спутник, возник и завершился Карибский кризис. Казалось бы, мир изменился до неузнаваемости, однако основные проблемы остались прежними, а антиутопические предсказания, похоже, начали сбываться. То, что виделось в начале XX в. как смутные очертания надвигающегося гуманистического кризиса, стало обретать угрожающе четкие формы. Сам О. Хаксли в своей работе 1958 г. «Возвращение в Дивный новый мир» будет говорить о том, что его предсказания сбыва-

ются и единственное, с чем он ошибся, это, к сожалению, темпы массовой деградации людей: «В остальном мире свободы личности уже не осталось – или, судя по всему, не останется в ближайшем будущем. Кошмар тотальной заорганизованности, который я поместил в седьмой век “эры Форда”, выскользнул из отдаленного и поэтому безопасного будущего, и теперь он не за горами» [12, с. 2].

Ощущали это и братья Стругацкие. Но если в распоряжении О. Хаксли был целый мир, то советским писателям пришлось довольствоваться небольшим курортным городком, дабы цензоры не заподозрили в нравах обывателей повести нравы граждан Советского Союза. Это делает повесть несколько менее эпической, однако вынуждает писателей выстраивать литературную организацию, на наш взгляд, более тонко.

Сюжет повести соответствует жанру детективной истории: Иван Жилин (персонаж, известный и по другим произведениям братьев Стругацких) отправляется в курортный городок, дабы расследовать ряд странных смертей от нервного истощения. В процессе расследования Жилин погружается в жутковатую социальную структуру этого города (*интели, грустцы, рыбаки* и т. д.), проходит через все круги местного «ада»: чревоугодие, сластолюбие, социальный мазохизм, безмерная праздность и уныние, а в конце – заветный наркотик *сlegt*, дарующий удовлетворение всех подсознательных желаний и фантазий. Наслаждение *слегом* оказывается настолько мощным, что, употребляя его, человек умирает от истощения.

Однако за фантастично-детективным сюжетом кроется философская драма: говоря о нравах небольшого провинциального городка, братья Стругацкие в действительности выносят на суд проблемы всего человечества.

Онтологически значимый вопрос, который Аркадий и Борис Стругацкие поднимают в повести: можно ли «заменить жизнь снами» [6, с. 211]? Налицо все то же противостояние мира, в котором «сытно, тепло, пьяно и скучно» [6, с. 195], миру подлинного существования. На передний план выходит массовая культура – потребительство, замещающее духовные ценности (так называемый человек умелый, «смысл жизни которого – увеличение разнообразия, количества и качества потребления» [7]). Перед нами снова тот же наркотик, уносящий людей в мир фантазии (*сlegt* / *сома*), те же образы людей: социопрофессиональных машин, воспитанных исключи-

тельно для выполнения своих общественных функций. Даже сравнение этих людей-недолюдей с детьми (как мы это видели в романе О. Хаксли) присутствует: «Я глубоко убежден, что дети, именно дети – это идеал человечества. Я вижу глубочайший смысл в поразительном сходстве между ребенком и беззаботным человеком, объектом утопии. Беззаботен – значит счастлив» [6, с. 76]. И в этом обретенном «счастье» мы снова обнаруживаем отсылку к З. Фрейду: «...Фрейд показал, для чего, собственно, нам нужен Золотой Век. Вспомните, что было причиной всех несчастий рода человеческого. Неудовлетворенные инстинкты, неразделенная любовь, неутоленный голод, не так ли? Но вот является Ее Величество Наука и дарит нам удовлетворение» [6, с. 75].

В этом бездумном удовлетворении потребностей обнаруживается уже знакомое нам неподлинное бытие. И все возможные «просветы бытия» заглушены бесконечными ситками («По вторникам мы отдыхаем, как встарь – по настоящему. – А в остальные дни? – А в остальные дни ждем вторника...») [6, с. 67], наркотиками, болтовней и вещами, хищными вещами, пожирающими души.

Что касается восприятия смерти, то в мире хищных вещей братья Стругацкие пошли дальше О. Хаксли: в их повести смерть не просто выходит за рамки осмысления, со смертью играют, чтобы вернуть себе ощущение жизни. Обыватели курортного городка, пресытившись изобилием и испытывая скуку, идут к «рыбярям», чтобы, оказавшись в ситуации на грани жизни и смерти, вновь ощутить витальный голод.

Есть и еще одно существенное отличие повести Стругацких от романа О. Хаксли: отсутствие «заорганизованности» такого мира. В повести ничего не говорится о насильственном воспитании, системности прививаемых потребительских установок, правительственной или антиправительственной группировке, которая стоит за сложившимся порядком вещей. Поэтому формально в мире Стругацких «...человек ... – свободен. Хочешь – обжираться и напиваться, хочешь – развлекая себя нейростимуляторами, хочешь – предаваясь персональному мазохизму. Но с другой стороны: хочешь учиться – учись; хочешь читать – читай, все, что угодно и сколько угодно; хочешь самосовершенствоваться – пожалуйста; хочешь, в конце концов, чистить и улучшать свой мир, хочешь драться за достоинство человека – ради бога! – это отнюдь никем не запрещено,

действуй, и дай тебе бог удачи! Ты волен в этом мире стать таким, каким сможешь и захочешь. Выбор за тобой. Действуй» [7, с. 254].

Но эта свобода не умаляет трагизма и «кошмарности» мира повести, напротив – подчеркивает, что естественные стремления человека – это потребительские желания человека массы: «Весело и ни о чем не надо думать!» [6, с. 14, 18, 162, 196] – мелькает периодически на страницах почти что гипнопедическая истина, пугающая именно тем, что она никем не была внушена. Таким образом, проблема личностной свободы у братьев Стругацких поднимается с новой силой – люди могут обрести подлинность, но не хотят.

Может быть, поэтому, на наш взгляд, «Хищные Вещи Века» – повесть более актуальная и трагическая, поскольку в большей степени характеризует современную социокультурную ситуацию: человечество в страхе перед открывшейся ответственностью, не ограниченной религиозными культами, культом личности и тоталитарными режимами, обращается к новым идолам эпохи Изобилия и массовой культуры: «Неооптимизм... Неогедонизм и Неокретинизм» [6, с. 80], фактически иллюстрируя фроммовское «бегство от свободы».

В интервью (2012 г.) Борис Стругацкий говорит, что мир, в котором ему хотелось бы жить и работать, это мир, который населяет «...Человек Воспитанный, для которого высшим наслаждением и смыслом существования является успешный творческий труд. Откуда такой Человек возьмется, каким образом получится превратить в него нынешнего человека – Человека Умелого (смысл жизни которого – увеличение разнообразия, количества и качества потребления), я не знаю» [8].

Видимо, по этим причинам (обострение духовного кризиса и отсутствие вариантов выхода из сложившейся антигуманистической ситуации) в повести «Хищные вещи века» возникают эсхатологические настроения, отсутствующие в стабильном обществе Дивного Нового Мира: рассуждая о возможностях абсолютно полного удовлетворения потребностей, главный герой приходит в ужас от осознания того, что миллиарды людей, выбирая между ярким сном и скучной реальностью, выберут яркий сон, и это будет конец истории человечества: «Я боюсь за человечество. Это же конец. Это конец взаимодействию человека с природой, это конец взаимодействию личности с обществом, это конец связей между личностями, это конец прогресса, Римайер. Все

миллиарды людей в ваннах, погруженные в горячую воду и в себя. Только в себя...» [6, с. 212].

Борис Стругацкий считал, что писатель не должен ставить перед собой задачу предсказывать будущее, и что «не может быть у писателя более благородной задачи, чем рассказывать о настоящем» [8], и тем не менее, пусть ненамеренно, братья Стругацкие почти буквально предвидели основные черты современного общества и массовой культуры, «где изобилие было когда-то целью, да так и не стало средством» [6, с. 229].

Антиутописты не отвечают на вопрос, что делать с человечеством и каковы пути выхода из сложившейся ситуации. Их романы и повести ставят иные задачи: предупредить, заставить остановиться и задуматься, осознать пагубное влияние массовой культуры, доминирование которой приводит к трансформации человека свободного (или стремящегося к свободе) в человека массы. Именно эти изменения демонстрирует нам трансформация антиутопии, которая возникла как отклик на утопию и предупреждала о появлении тоталитарного общества, лишаящего человека свободы, а в дальнейшем обратилась к проблемам свободного выбора несвободы человечеством, ориентированным на ценности массовой культуры.

Библиографический список

1. Бердяев, Н. А. Смысл творчества [Текст] / Н. А. Бердяев. – М. : АСТ, 2007. – 65 с.
2. Константинов, Д. В. Антиутопии – Будущее без человека [Текст] / Д. В. Константинов // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 366. – С. 42–48.
3. Поппер, К. Р. Открытое общество и его враги. Том I. Чары Платона [Текст] / К. Р. Поппер. – М. : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.
4. Пушканский, Б. Я. Наука и литература (На примере антиутопий Олдоса Хаксли и психоанализа Зигмунда Фрейда) [Текст] / Б. Я. Пушканский // Записки Горного института. – Том 193. – 2011. – С. 189–191.
5. Солдатов, В. Е., Тузовский, И. Д. Социокультурное пространство в антиутопиях: основные черты моделируемого социума [Текст] / В. Е. Солдатов, И. Д. Тузовский // Вестник ЧГАКИ. – 2010. – № 3 (23). – С. 40–49.
6. Стругацкий, А. Н., Стругацкий, Б. Н. Хищные вещи века : [фантастическая повесть] [Текст] / А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. – М. : Издательство АСТ, 2016. – 256 с.
7. Стругацкий, Б. Н. Комментарии к пройденному [Текст] / Стругацкий Б. Н. – М. : Издательство АСТ, 2016. – с. 239–254
8. Стругацкий, Б. Н., Online интервью от 13.04.2012 [Электронный ресурс] / Б. Н. Стругацкий. – Режим доступа: <https://ria.ru/culture/20121120/911395799.html>. Проверено 03.08.2017
9. Фрейд, З. Художник и фантазирование [Текст] / З. Фрейд. – М. : Респубблика, 1995. – 400 с.
10. Фромм, Э. Психоанализ и религия [Текст] / Э. Фромм. – М. : АСТ, 2010. – 190 с.
11. Шишкина, С. Г. К вопросу об особенностях литературных жанров социальной прогностики : Утопия – Антиутопия – Научная фантастика. Век XXI [Текст] / С. Г. Шишкина // Вестник ИГХТУ. – 2012. – №5. – С. 23–30.
12. Huxley, A. Brave new world Revisited [Text] / A. Huxley – New York. Harper & Row, Publishers, Incorporated. – 1965.
13. Huxley, A. Brave new world [Text] / A. Huxley. – London : Vintage, 1994 – 224 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Berdjaev, N. A. Smysl tvorčestva [Tekst] / N. A. Berdjaev. – M. : AST, 2007. – 65 s.
2. Konstantinov, D. V. Antiutopii – Budushhee bez cheloveka [Tekst] / D. V. Konstantinov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 366. – S. 42–48.
3. Popper, K. R. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. Tom I. Chary Platona [Tekst] / K. R. Popper. – M. : Feniks, Mezhdunarodnyj fond «Kul'turnaja iniciativa», 1992. – 448 s.
4. Pushkanskij, B. Ja. Nauka i literatura (Na primere antiutopij Oldosa Haksli i psioanaliza Zigmunda Frejda) [Tekst] / B. Ja. Pushkanskij // Zapiski Gornogo instituta. – Tom 193. – 2011. – S. 189–191.
5. Soldatov, V. E., Tuzovskij, I. D. Sociokul'turnoe prostranstvo v antiutopijah: osnovnye cherty modeliruемого sociuma [Tekst] / V. E. Soldatov, I. D. Tuzovskij // Vestnik ChGAKI. – 2010. – № 3 (23). – S. 40–49.
6. Strugackij, A. N., Strugackij, B. N. Hishhnye veshhi veka : [fantasticheskaja povest'] [Tekst] / A. N. Strugackij, B. N. Strugackij. – M. : Izdatel'stvo AST, 2016. – 256 s.
7. Strugackij, B. N. Kommentarii k projdennomu [Tekst] / Strugackij B. N. – M. : Izdatel'stvo AST, 2016. – s. 239–254
8. Strugackij, B. N., Online interv'ju ot 13.04.2012 [Elektronnyj resurs] / B. N. Strugackij. – Rezhim dostupa: <https://ria.ru/culture/20121120/911395799.html>. Provereno 03.08.2017
9. Frejd, Z. Hudozhnik i fantazirovanie [Tekst] / Z. Frejd. – M. : Ruspublika, 1995. – 400 s.
10. Fromm, Je. Psihoanaliz i religija [Tekst] / Je. Fromm. – M. : AST, 2010. – 190 s.
11. Shishkina, S. G. K voprosu ob osobennostjah literaturnyh zhanrov social'noj prognostiki : Utopija – Antiutopija – Nauchnaja fantastika. Vek XXI [Tekst] / S. G. Shishkina // Vestnik IGHTU. – 2012. – №5. – S. 23–30.

12. Huxley, A. Brave new world Revisited [Text] / A. Huxley – New York. Harper & Row, Publishers, Incorporated. – 1965.

13. Huxley, A. Brave new world [Text] / A. Huxley. – London : Vintage, 1994 – 224 s.

Reference List

1. Berdyaev N. A. Sense of creativity. – M. : ACT, 2007. – 65 p.

2. Konstantinov D. V. Anti-Utopias – the Future without person // the Bulletin of Tomsk State University. – 2014. – № 366. – P. 42–48.

3. Popper K. R. Open society and its enemies. Volume I. Charms Platonr. – M. : Fenix, International fund «Cultural Initiative», 1992. – 448 p.

4. Pushkanskyy B. Ya. Nauka and literature (On the example of Aldous Huxley's anti-Utopias and Siegmund Freud's psychoanalysis) // Notes of Mining institute. – Volume 193. – 2011. – P. 189–191.

5. Soldatov V. E., Tuzovsky I. D. Sociocultural space in anti-Utopias: the main lines of the modelled society // the Bulletin of ChGAKI. – 2010. – № 3(23). – P. 40–49.

6. Strugatsky A. N., Strugatsky B. N. Predatory things of a century: [fantastic story]. – M. : ACT Publishing House, 2016. – 256 pages.

7. Strugatsky B. N. Comments to what is over. – M. : ACT Publishing House, 2016. – P. 239–254

8. Strugatsky B. N. Interview Online from 13.04.2012 [An electronic resource]. – Access mode: <https://ria.ru/culture/20121120/911395799.html>. It is checked 03.08.2017

9. Freud Z. Artist and imagination. – M. : Ruspublika, 1995. – 400 pages.

10. Fromm A. A. Psychoanalysis and religion. – M. : ACT, 2010. – 190 pages.

11. Shishkina S. G. To a question of features of literary genres of social prognostics: Utopia – Anti-Utopia – Science fiction. Century XXI // Bulletin of IGHTU. – 2012. – № 5. – P. 23–30.

12. Huxley A. Brave new world Revisited – New York. Harper & Row, Publishers, Incorporated. – 1965.

13. Huxley A. Brave new world. – London : Vintage, 1994 – 224 c.